

— Ну что, сынок, сегодня грибы будем на ужин готовить? Неси корзинку к крыльцу. Давай посмотрим да переберём грибы, а то, может, одних поганок да мухоморов или червивых принёс?

Мама встречает меня, выглядывая из открытого настежь окна. Она поджидает меня из моего похода за грибами. Её замечание насчёт поганок или червивых грибов — не подтверждение моих неудач, но её всегдашняя шутка. Она сама меня учила разбираться в грибах, зная их в совершенстве, как мне всегда казалось.

Мы выкладываем грибы из корзинки на расстеленный старый рогожный мешок и начинаем их перебирать. Неспешно раскладываем грибы на две кучки, освобождая их от лесного мусора, что прилип к ним. Мусор — это, в сущности, третья кучка, состоящая из прошлогодних коричневых прелых листочков, то ли осиновых, то ли берёзовых, остро пахнущих чем-то кисловатым и одновременно грибным. Рыжие хвойные иголки смешаны с мелкими веточками, травинками, обломками грибов. Иногда, среди них попадаются шустро улётывающие жучки, круто закрученные хрупкие раковины со спрятавшимися в них улитками. Весь этот набор для знающего человека — настоящая карта подсказок, где растут грибы.

Мы распределяем грибы на две условные группы. Бóльшая кучка предназначена для засолки, меньшая — для грибного супчика или тушения-жарения с картошкой.

Благодатное время, конец июля, грибы пошли. Не в смысле «пошли по дорожке». Пожалуй, нерусский человек вряд ли поймёт, как это «грибы пошли». Ножки, что ли, у них

отросли? Гриб же где вырос, там и остаётся навсегда. Просто так говорят: грибы пошли. Значит, начался грибной сезон.

— Где собирал? — интересуется мама.

— Сначала на Марфину гору забрёл, потом на Глинку ушёл, на обратном пути по Кирпичным сараям побродили ещё.

За грибами можно и в одиночку ходить, но лучше это делать с хорошим собеседником. Таким грибным товарищем многие годы остаётся сосед Николай, человек до грибов охочий и лёгкий на подъём.

— Да уж, для бешеной собаки десять километров не крюк, — комментирует мама.

Она знает, что права. Пройденный нами путь даже больше, чем десять километров. Иногда и в один конец можно не спеша натопать столько же, если нелёгкая под названием «азарт» занесёт. Сразу вспомнишь поговорку о том, что дурная голова ногам покоя не даёт. В этом случае — азартная голова, конечно. Ног не жалко, когда испытываешь наслаждение, которое охватывает душу при взгляде на открывающийся взору простор с возвышенности. Можно испытать настоящую эйфорию, когда окунёшься в запах леса и почти нюхом, как собака, найдёшь самый лучший в сезоне гриб! Так и идёшь, глядя себе под ноги, и вдруг влетишь лицом в сетку, сплетённую паучком-крестовичком, спутнёшь его и услышишь на его паучьем языке: «Носит чёрт тут всяких! Всех мух распугали!» Извинишься перед хозяином паутины и поспешишь дальше, высматривать свои ещё не найденные грибы.

Кстати, на Кирпичных сараях давно нет ни кирпичей, ни сараев, так называется место, где очень давно обжигали кирпичи и хранили их в сараях.

— Я ведь, сынок, по грибы ходить стала лет с пяти, — выводит меня из грибного транса голос мамы. — С дедом Илючком по грибы ходила. Твоим прадедом, — уточнила она степень нашего родства по маминой линии. — Он к старости ослеп, но все грибные места помнил. Память у него была очень крепкая. Так вот, по грибы он всегда брал меня. Дед обычно нёс большую корзину, плетённую из лозы, мне давал маленькую. Любил он меня, — заключает мама. — А ещё меня обували в лапоточки, онучиками заматывала бабушка до самых коленок, из выбеленной холстины, как сейчас помню.

Я почти физически чувствую теплоту её слов, как она говорит о дедушке и бабушке. Может быть, и мои дети так же будут вспоминать о ней?

— Я так радовалась, прыгала, в лаптях чувствовала себя как босиком. Лапти мне делал мой папа, твой дед. Плёл он их из бересты. Лапти-то делали не из бедности, а для удобства. Если и изнаются — не жалко выбросить, на растопку в печку отправить можно.

«Вот она, крестьянская стопроцентная практичность и рациональность!» — мелькнуло у меня в голове.

— Так вот,— продолжает мама,— когда мы выходили из деревни, дед всегда спрашивал, что слева, что справа, какие деревья кругом. Ни разу не заблудились, хоть и тайга кругом. А с грибами дело было так. Найду гриб, скажу, какой он с виду, дед говорит мне: бери или не бери. Так и набирали грибов по целой корзине. И ведь ни разу поганок не набрали! Может быть, в те времена в тайге вокруг деревни и не было нехороших грибов? Экология-то была другой,— глубокомысленно заключает мама.— Потом принесём грибы и перебираем с мамой, так я и научилась определять их, при слепом деде Илючке и под контролем мамы.

Я размышляю о причине слепоты моего предка. Это явно была катаракта. Сейчас бы его, конечно, прооперировали, и на следующий день дед Илючок, а точнее — Илья, стал бы снова зрячим. Он бы видел все грибы, пока мог бы ходить за ними в тайгу. Но всё это сослагательное наклонение — если бы да кабы.

— Идём мы однажды с дедом Илючком по дорожке,— продолжает мама.— Мы с ним ходили, взявшись за руки. Это чтобы я не потерялась. У него рука была большая, шершавая и тёплая. В другой руке у него всегда был батог, которым он постукивал о землю, когда шёл. Батог — это посошок такой,— уточняет мама.— Дед был росточка небольшого,— продолжает свои воспоминания мама,— большая белая борода и лысина во всю голову. Я однажды спросила деда: «Почему у тебя такая лысая голова?» Дед мне ответил: «Твоя бабка однажды горячий блин мне на голову положила, вот с тех пор и лысина образовалась». Этот ответ оставил меня в недоумении и с вопросом, за что и почему бабушка обожгла деду голову так, что волосы на голове перестали расти. Потом я спросила бабушку, на что она ответила: «Вот же старый

брэхун, голову рабёнку морочыць, ня слухай яго, деточка», — но так и не сказала, как горячий блин попал деду на голову.

Мама это произнесла с характерным белорусским выговором.

Я трогаю свою уже достаточно определённо сформировавшуюся лысину: «От наследственности, однако, не уйдёшь».

Так, неспешно осматривая и перебирая гриб за грибом, мама продолжает своё повествование о моём прадеде.

— Идём мы так уже обратно из леса, дед несёт корзину с грибами, я немного впереди прыгаю в лаптях. Вдруг я вижу: поперёк дорожки лежит красивый чёрный ремешок, как мне показалось. «Деда! Ой, какой красивый ремешок на дороге!» — кричу я деду с восторгом. Дед отреагировал мгновенно, крепко схватил меня сзади за платье, когда я уже рванулась к «ремешку»: «Ай, деточка, стой! Енто же зьмей!» Дед Илючок начал стучать своим батогом-посошком по земле и приговаривать: «Уходи, зьмей кусучий, уходи поскорей! А то зашибу ненароком!» Мой «ремешок» вдруг ожил и начал быстро уползать с дорожки в густую траву. «Деда, она уползла!» — «Ну и хорошо, деточка. Не заметила ли на головке жёлтые глазки?» — «Нет, не заметила». — «Тогда это точно была гадючка! — сказал дед. — Не бойся, унучечка, он больше не придеть». Я, конечно, сразу поверила ему, но внимательно посмотрела в траву, крепко взяла деда за руку и уже не отходила от него, пока до поскотины не дошли, всё змей высматривала. Такой вот был дед Илючок. Слепой, а видел как зрячий, — заключила мама и снова замолчала, наверное, погрузившись в своё очень далёкое, тёплое детство.

Я же думал о мгновенной реакции деда Илючка, о его зрительной памяти, о его силе воле и активности при его слепоте. Сейчас можно было бы восстановить зрение, и дед ушёл бы в мир иной зрячим. Ещё я думал о вкусе блинов, которые пекла моя прабабушка, носившая необычное имя — Мальвина. Их жизнь мне представлялась какой-то сказочно-нереальной и очень простой. В той жизни, наверное, люди любили и оберегали друг друга.

Встрепенувшись и выйдя из глубин прошедших лет, мама продолжила своё повествование:

— А ещё был у меня братец Иван, шкодный такой. Не пропускал ни одной возможности пошутить над дедом, над его слепотой, хоть и ругали его за это здрово.

— Так у тебя же брата зовут Петром? — недоуменно спрашиваю я.

— Братец, сынок, это сродный или троюродный брат, а вот если брат, то это родной брат,— объясняет мне мама степень и градацию родства, просвещая меня и устраняя моё невежество.— Так вот, шёл однажды дед вдоль улицы, постукивая, как всегда, по земле своим посошком-батогом, по слуху определяя, что не сбился с пути. Иван, завидев деда, быстро опередил его и тихонько лёг поперёк дороги, будучи в полной уверенности, что слепой дед споткнётся об него и, конечно, упадёт. Дед не спеша подошёл к препятствию, перехватил свой батог удобней, размахнулся и ударил по нему! Иван как ошпаренный вскочил с дороги с криком: «Ага! Дед Илючок врёт! Он видит! Он всё видит!» Потом дед рассказал: «Иду я, значит, вдруг вижу сквозь свой густой туман, как что-то легло поперёк дороги. Раньше-то я так и натыкался то на телят, то на свиней. А тут показалось, что кто-то быстро метнулся поперёк дороги мне прямо под ноги, як бязун...»

Мама намеренно вставляет слова местного говора в речи деда, не объяснив мне, что такое «бязун». Я не стал уточнять происхождение и смысл нового для меня слова, чтобы не прерывать её повествования.

— «...Сначала я решил: может, овца какая улеглась? Но всё-таки подумал: может, Ванька опять шуткует? Ну и решил отогнать с дороги нечистую силу, а попал в Ваньку!» — продолжала мама, передавая мне прямую речь деда Ильи.— Хороший дед был. Жалко, ни одной фотографии не осталось. Ну вот — и грибы перебрали, и деда Илью помянули,— закончила своё воспоминание мама.

Перед нами красовались две неравные кучки грибов, не считая лесного мусора. В большую кучку, предназначенную для засолки, попали грузди, лисички и скользкие валуи. В меньшую кучку — обабки, немного красноголовых подберёзовиков и маслята: эти грибы попадут прямиком на сковороду.

Возможно, воспоминания продолжатся за столом, когда грибы будут пожарены с картошкой, под толстым слоем зелёного лука и сметаны. Я услышу другие истории, которые увеличат мою родовую память. Включу воображение и дорисую образы ушедших предков, не оставивших фотографий.

Впрочем, мне достаточно подойти к зеркалу.